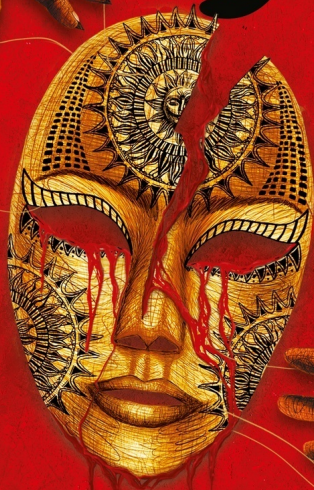

ВЕЧНАЯ ПОГИБЕЛЬ

18+

Смерть никогда не была столь прекрасна,
как в твоих руках

ТИГЕСТ ГИРМА

Тигест Гирма

Вечная погибель

Серия «Бессмертная тьма», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73979572
Вечная погибель. роман: Издательство АЗБУКА; Москва; 2026
ISBN 978-5-389-33170-9*

Аннотация

Когда-то, в незапамятные времена, вампиры связали себя Тремя Запретами, ограничивающими их силу, и заключили мир с представителями человечества. Годы спустя в сердце союза между вампирами и людьми зародился Укслей: закрытый от внешнего мира университет, где смертные и бессмертные учатся сосуществовать друг с другом.

Кидан Адане больше не одна – университет Укслей принял ее как свою, раскрыв перед ней темные каменные объятия. И в этом семестре Кидан придется еще сложнее, ведь перед ней стоит задача овладеть законом дома, чтобы помочь всем, кто в этом нуждается, и отомстить тем, кто заставил ее страдать.

Тайны продолжают опутывать Кидан, будто сетью: секреты знаменитых артефактов, запечатывающих Запреты, мифы о мудрецах и древних вампирах, словно до сих пор рыскающих за воротами, слухи о гибели ее родителей. Но теперь у Кидан есть и другие приоритеты: она хочет жить, чтобы беречь тех,

кто ей дорог. И никто не знает, кого ей придется предать, чтобы воплотить свои планы в реальность.

Содержание

1	11
2	22
3	31
4	40
5	43
6	53
7	66
8	77
9	81
10	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Тигест Гирма

Вечная погибель

Tigest Girma
ETERNAL RUIN

This edition published by arrangement with **Little Brown Books for Young Readers**, a division of Hachette Book Group, Inc., New York, New York, USA. All rights reserved.

© 2025 by Tigest Girma

Иллюстрации на обложке © 2025 by Jessica Coppet

Дизайн обложки by Jenny Kimura

Обложка © 2025 Hachette Book Group, Inc.

Карта, герб университета © 2024 by Virginia Allyn

© Сорокина Д., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательство АЗБУКА»® , 2026

* * *

УНИВЕРСИТЕТ УКСЛЕЙ

TIGEST GIRMA

ETERNAL
RUIN

ТИГЕСТ ГИРМА

ВЕЧНАЯ ПОГИБЕЛЬ

КНИГА ВТОРАЯ

**ЧЕРНОКОЖИМ ДЕВУШКАМ, КОТОРЫЕ
ЛЮБЯТ ВСЕЙ ДУШОЙ И ЗАСЛУЖИВАЮТ
ВЗАИМНОСТИ.**

И

**ДЕВУШКАМ ХАБЕША, КОТОРЫЕ
МЕЧТАЮТ О ДОМЕ.**

**ЛЮБОВЬ – ПЕРВЫЙ ВРАГ.
СМЕРТЬ ПРИТАИЛАСЬ ВТОРЫМ.**

*Перевод из амхарского текста, уничтоженного в
Пожаре Бездны. Страна происхождения – Эфиопия*

**Уроки Последнего Мудреца
О происхождении вампиров**

Как и все разрушительное, он явился из бездны.

*Бездна простирается между двумя горами – ее
ошибочно принимают за неподвижное скопление
темных облаков. Но жителям этих гор известны
две истины.*

*Истина первая – то, что падает в бездну, никогда
не возвращается. У подножия скал не находят даже
следов костей. Человеческие тела исчезают, словно
теряясь в складках вселенной, чтобы никогда боле
не вернуться на свет.*

*Истина вторая – в ночь затмения из бездны
вышел человек с кожей темной, как ночь, и*

волосами цвета пылающей звездной белизны. Сам шаг его нес смерть – под его ногами увядала каждая травинка и гнила земля.

До появления этого человека главными хищниками тех гор были львы, но даже звери могли истечь кровью, будучи ранеными – только не это существо. Ни оружие, ни стрела, ни копье не могли пронзить его железную шкуру. Туземцы бежали, но почерневшая земля сковывала им ноги, лишая сил, когда существо открывало зияющую пасть, обнажало клыки и высасывало кровь под их крики.

Его прозвали Варос, Ночной Лев.

Первый Вампир.

Спустя годы крови и смерти бездна породила еще одну душу. Этот человек носил сияющую маску и красное кольцо, а к телу его были прилажены серебряные орудия. Подошвы его ног светились, как солнечные шары – там, куда он ступал, земля исцелялась, и гниль мгновенно исчезала, превращаясь в сочную зелень.

Туземцы падали на колени и плакали. Наконец, явилось их спасение.

Они назвали его Йонас, Солнечная Птица.

Первый Мудрец.

** Из «Традиционных мифов Абиссинии», страницы 3–6.*

1

Кидан

Смерть затаилась в доме Кидан Адане, и сегодня вечером она пожалеет о своем присутствии.

Заперевшись в одной из комнат мастерской по дереву и металлу в здании факультета искусств, Кидан закончила перечитывать «Орудия тьмы» и взяла предмет, способный убивать вампиров.

Рог импалы.

Сегодня вечером Самсон Сагад умрет.

И Кидан наконец воспользуется адским пламенем, чтобы освободить сестру из его хватки.

При мыслях о Джун ее пальцы задрожали и начертили на столе знакомый квадрат. Кидан покачала головой, поправила защитные очки и сосредоточилась.

Сначала должен умереть Самсон.

Пальцы Кидан пахли пеплом сигар, но даже призраку Мамы Аноэт здесь до нее не добраться. Каждый день Кидан приходила на три часа в комнату на четвертом этаже, выходящую на кладбище Ахнд, запиралась и точила о камень изогнутый рог импалы, превращая его в стружку. Тяжелая работа, но сам процесс деконструкции объекта – даже такого, как этот – приносил покой. Иногда она представляла,

как разбивает что-то голыми руками. Несколько дней назад, когда на пороге появились Джун и чертов Самсон, это чуть не случилось. Металлическая дверная ручка погнулась под пальцами Кидан. С тех пор она снова искала эту вспышку силы, желая разрушать все одним прикосновением. Но, похоже, подобную силу пробуждал лишь ее гнев на Джун.

Приложив руку к краю стола, Кидан соскребла стружку на ладонь и пересыпала в маленькую черную чашку. Потянувшись к паяльной лампе и паре толстых перчаток, она замерла и глянула на пустой стол напротив.

Ее поглотило воспоминание: Сузеньос склонился над разбитыми ею артефактами и, нахмурив прямые брови, учил ее восстанавливать разбитые предметы.

Последний раз они разговаривали четыре дня назад, в начале зимних каникул – в тот день, когда на ее пороге появилась Джун. Они стали союзниками и договорились вместе работать над Домом. Так почему же он вдруг ушел?

Просто велел дожидаться его возвращения, и был таков.

Рука Кидан скользнула к шее – она вспомнила страстный укус в ванной Аровы. Его твердое тело под мокрой рубашкой – невыносимо близко. Кидан покачала головой, пытаясь прогнать эти образы. Но чем дольше он отсутствовал, тем чаще она возвращалась к их прошлым разговорам и обжигающим прикосновениям, рассматривала их под микроскопом, пыталась найти объяснение происходящему.

Он сказал, что не винит ее в утрате бессмертия в Доме

Адане. Но с тех пор к ней не прикасался.

В самые темные моменты Кидан подозревала, что он ее бросил. Сузеньос от чего-то бежал. От опасности, о которой отказывался рассказывать. Она так беспокоила родителей Кидан, что те установили для Сузеньоса карающий закон, запрещающий покидать Укслей. Но страх перед законом Дома Адане не мог удерживать Сузеньоса вечно.

Теперь он стал человеком.

Во всех комнатах Дома Адане.

Рука Кидан слегка дрожала, трескучее синее пламя паяльника искрило, как маленькое копье, освещая ее лицо.

«Ничего без меня не предпринимай», – сказал он.

Терпение не было сильной стороной Кидан.

Она поднесла огонь ко дну чашки, наблюдая, как извивается стружка, пытаясь спастись от жара, прежде чем превратиться в пепел.

От усилий на лбу проступил пот. Одни и те же движения – срезать, сжечь, собрать пепел – помогали мыслям угаснуть. Ей нужно много пепла из рога импалы. Как минимум, целый мешок.

И сегодня все будет готово.

Дальше – самая сложная часть.

Кидан растянула черный воздушный шар и засыпала внутрь пепел. Завязала и с улыбкой подняла вверх. Теперь у нее семь шаров, наполненных пеплом из рога импалы.

Протерев стол дезинфицирующим средством, Кидан вы-

шла из комнаты, сжимая в руке веревочки от шаров.

Кампус Укслея превратился в город-призрак. Большинство студентов уехали на каникулы в Африку, к дальним родственникам. Но Слен и Юсеф были здесь и ждали сигнала Кидан.

Она снова глянула на часы. Самсон, Арин и Уорд, бывшие отщепенцы, по-прежнему ежедневно посещали трехчасовые обязательные консультации. Кидан была готова разрыдаться от счастья перед профессором Андреасом за подаренную свободу.

К югу от башен Арата дом Адане казался бесполезным, измученным существом. У нее не возникало желания спалить его дотла, как дом ее детства. Несомненно, он таил в себе больше зла, чем маленький домик Мамы Аноэт, и мучил ее кошмарными видениями. Но все же бывали редкие дни, когда солнце заливало старые деревянные панели и дом казался вечным. Этот дом простоял в Укслее много поколений – единственное доставшееся ей осязаемое наследство от предков, – и казалось правильным, если он переживет и ее.

К тому же Кидан надеялась: при почтительном отношении дом позволит ей собой управлять.

Этете с улыбкой открыла входную дверь. Похоже, она что-то пекла: пятна муки на темных локтях, брейды обрамляют лицо короткой короной. Плечи Кидан мгновенно расслабились. Ее встретил пьянящий аромат свежего хлеба.

Кидан судорожно сглотнула, желудок сжался. Она по-

смотрела на узкую лестницу, ведущую наверх.

– Она здесь?

Этете сразу поняла, что Кидан говорит о Джун.

– Нет, все еще у декана.

Кидан вздохнула с облегчением: тугой узел страха в животе ослаб. Сразу после появления Джун декан Фэрис позвала ее в кабинет – несомненно, требуя объяснений, где ее носило и каковы ее намерения. Кидан тоже хотела узнать, но не могла думать о Джун, пока не разберется с Самсоном. В интересах сестры, чтобы хоть часть гнева Кидан выплеснулась наружу, прежде чем они начнут говорить.

Отбросив эти мысли, Кидан обхватила дверную ручку и попыталась повернуть, как обычно.

«Ну же, еще немного».

Ручка не поддавалась, не говоря о том, чтобы повернуться.

Кидан сжала зубы и предприняла еще несколько попыток, прежде чем сдаться. Вот тебе и хорошие отношения с домом. Придется попробовать еще раз. А сейчас нужно поработать.

Она пересекла коридор и поставила стул на середину гостиной. В ящике стола Сузеньоса лежал скотч, и Кидан оторвала кусок зубами, прежде чем залезть на стул. Она прикрепила воздушные шары к потолку, на равном расстоянии друг от друга.

Ее прервали мягкие движения Этете.

– Тебе следует дождаться дранаика Сузеньоса.

– Он может не вернуться, – сказала Кидан, продолжая работу.

Она почувствовала, как ее прожигает встревоженный взгляд Этете. И как в доме мерцает синевой ее собственная печаль. Кидан не стала обращать внимания.

Оставалось только дожидаться возвращения Самсона. При этой мысли ноги Кидан лизнул огонь – гостиная усиливала новообетенную ярость. Да, нужно обуздать ее.

– Тебе письмо, – сказала Этете. В руках кухарки был черный конверт.

Кидан слезла со стула и медленно взяла его. Сузеньос всегда любил письма, и на мгновение сердце забилося быстрее – послание могло быть от него. Кидан еще хранила его последнее письмо. Но на конверте были незнакомые символы – белый цветок с пятью лепестками, клыкастая пантера, парящий орел, одинокий орикс и синий драгоценный камень. Они украшали основание высокой, зловещей башни. Кидан пронзила тупая боль. С внезапным уколом тревоги Кидан поняла, что ждет его. Следовало радоваться, что его, высокомерного и требовательного, здесь нет. И она действительно рада. Даже испытывает облегчение. Кидан раздраженно выдохнула и сорвала печать.

Поздравляем вас со сдачей дранактии. Мы восхищены вашими успехами.

Мы снова сердечно приглашаем вас в Башню

Арканов, чтобы начать знакомства. Неважно, стремитесь ли вы к Бездне или любуетесь парящим Орлом, предпочитаете Пантеру могучему Ориксу или просто восхищаетесь Синим Камнем, башня открывает перед вами двери.

Знакомства начинаются седьмого числа каждого месяца.

Мы ждем вашего ответа.

*Искренне ваши,
Тайные общества*

Кидан нахмурилась и принялась крутить письмо в поисках ответа.

– Что это?

– Предложение выйти замуж, – ответила Этете. – Они зовут тебя найти мужа. Давняя традиция Укслея.

Что... Кидан вытаращила глаза. Ей всего девятнадцать, и замужество – последнее, что ее интересует.

Видимо, это какая-то шутка.

Этете усмехнулась и улыбнулась Кидан, как улыбаются бабушки – тепло и терпеливо. Кидан отвела взгляд, откашлявшись. Ей не нравились напоминания о семье, которой у нее никогда не было. Но именно таким напоминанием и стал этот конверт. Мысль о браке невыносимо перекликалась с воспоминаниями о родителях: как они держались за руки,

как обещали любить Кидан и Джун до самой смерти.

И как погибли, прежде чем их детям исполнилось шесть. Прозвучит иррационально, но, если бы родители действительно любили Кидан и Джун, их бы не остановила такая простая вещь, как смерть. Кидан она бы не удержала.

Глубоко вдохнув, Кидан загнала воспоминания в темный угол разума, пока их не успел захватить дом. Возвращаться к тому периоду жизни бессмысленно.

– Там написано «снова», – нахмурилась Кидан. – Но я впервые получила это письмо.

Взгляд Этете скользнул в сторону, к лестнице на второй этаж. Когда она повернулась к Кидан, на ее лице играла таинственная улыбка.

– Первое выбросил дранаик Сузеньос.

Кидан ожидала разных объяснений. Оно затерялось в почте. Этете забыла его отдать. Но мысли о Сузеньосе приходили в голову в последнюю очередь.

– Правда? – спокойно переспросила она, пытаясь скрыть удивление. – Когда?

– Кажется, в тот вечер, когда ты вырвала ему клыки.

На этот раз слова Этете сопровождал многозначительный взгляд. Кидан отвела глаза, подавив желание извиниться.

– Интересно, почему он его не отдал, – сказала она вместо этого, с легкой улыбкой разглядывая письмо.

Этете глянула на нее с усмешкой. Кидан тут же выпрямилась, закашлявшись.

– Впрочем, неважно. Честно говоря, мне рано думать о замужестве.

– Выше нос. Твоя мать считала так же, пока не встретила Амана.

Кидан задумалась. Она слышала, что подобные ей актеры заключают браки только с представителями Тайных обществ – группы обычных людей из внешнего мира. Но сомневалась, что люди, готовые оказаться в обществе вампиров, нормальны. Впрочем, должно быть, ее отец, Аман, был из Тайных обществ.

Кидан неохотно поинтересовалась.

– Ты знаешь что-нибудь об этих обществах?

– Знаю? – Этете захихикала, наморщив обветренное лицо. – Я оттуда вышла.

– погоди, вышла?

– Ты видела, чтобы кто-то пил мою кровь? – Она подняла седую бровь. – Я не актер. Меня привело в ваш университет замужество.

Кидан удивленно покачала головой. В прошлом семестре ее так поглотили поиски Джун, что она не обращала внимания ни на что другое. Не могла себе позволить.

– Я была членом Ордена Орла, – глухо сказала Этете, и ее взгляд скользнул по символу Орла под башней. – А Орел всегда заключает браки с домами Аджафов, Мэкэри или Деларусов. Я развелась, но твоя бабушка нашла лазейку, которая позволила мне остаться. Я стала работать здесь кухаркой –

и работаю до сих пор.

Бабушка казалась Кидан далекой, как и мать. Они умерли прежде, чем Кидан смогла запомнить их любовь. Мысли о семье переполняли и выливались из угла ее сознания. Они напоминали жидкость в мозгу, поток черной воды, густой от потерь – с отражением Кидан, которая часто улыбалась, потому что люди, которых она любила больше всего, любили ее достаточно, чтобы остаться в ее жизни.

«Сосредоточься на настоящем, – твердо приказала она себе. – На тех, кто жив».

Смотреть на мертвых – все равно что стоять на месте, позволяя кому-то наносить тебе удар за ударом. Кидан предпочитала двигаться с пистолетом в руке. Она смяла письмо.

– Тебе следует уйти, пока он не вернулся, – сказала Кидан Этете, а потом не удержалась и добавила: – Пожалуйста.

Женщина вздохнула, и плечи Кидан слегка опустились. Она ненавидела расстраивать повариху. Но Этете убралась на кухне, сменила головной убор и ушла.

Кидан чуть не окликнула ее, осознав, что остается в доме одна. Ковер размяк, словно грязь, и тянул ее за лодыжки, когда она устроилась на холодном диване. Камин не горел. Обычно его разжигал Сузеньос, и она не удосужилась научиться. Один из ее карманов был набит кнопками, в другом лежал пистолет.

Было на удивление спокойно.

Достаточно, чтобы она осторожно выдохнула.

Это оказалось ошибкой.

Темная мебель и дорогие подушки исчезли, и ворвались три видения – каждое пронзало ее грудь острым лезвием.

Мертвое тело Джи Кея.

Последнее видео Джун.

Отсутствие Сузеньоса.

Кидан все глубже и глубже проваливалась в диван – пока ей не показалось, что снизу ничего нет. Если никто не вытащит ее, она задохнется.

Но она должна испытывать боль в обсерватории. Не здесь. Она попыталась пошевелиться, но ее тело заполнила вода. Тяжелым был только разум. Все из-за Сузеньоса. С тех пор, как он ушел, в доме воцарился хаос – одни эмоции перетекали в другие. Играя с ее ощущением реальности.

Где ты?

Когда ее кости начали растворяться, на крыльце послышались шаги. Дом предостерегающе задрожал.

Видения рассеялись, как рой насекомых.

Ноги Кидан коснулись пола. Твердого и пылающего.

Она сделала несколько резких вдохов и наклонилась. Гостиная всегда подпитывала ее ярость, и она вернулась – обвилась вокруг ног, словно драконий хвост.

Кидан медленно выпрямилась и крепче сжала пистолет дрожащей рукой.

Самсон явился.

2

Кидан

Кидан погладила кресло, в котором сидела, успокаивая себя и дом.

Половицы взволнованно закрипели от шагов Самсона, забарабанив, как сильный дождь, когда он вбежал в кабинет, служивший гостиной. Взгляд черных глаз остановился на Кидан, и его лицо исказилось. Между ними были старый ковер и овальный стеклянный столик – любимые сокровища Сузеньоса, которые вот-вот снова станут сопутствующим ущербом. Шелковый ковер покроют пятна крови, а прекрасный стол, ценимый им за мерцающее красное морское стекло, разобьется вдребезги.

Кидан едва не покачала головой. Думать о сокровищах Сузеньоса вместо того, чтобы рубить их топором, – нечто новое и опасное, и она не желала углубляться в эти мысли.

Самсон двинулся вперед, его ботинки пачкали грязью ковер. Кидан сжала зубы. Вампир-Нефрази мог быть братом Сузеньоса, хотя биологическими родственниками они не были. Кожа одного оттенка – темно-коричневая, неестественно гладкая, почти блестящая под прямыми солнечными лучами, – и прямой нос. Но на этом сходство заканчивалось. Волосы Самсона были коротко подстрижены и открывали

длинный шрам, который начинался у уха и исчезал на плече. Будто кто-то пытался разрубить его голову топором, но промахнулся.

А жаль.

Его беззвездные глаза с отвращением пробежались по скудным украшениям. Воздушные шары окружили люстру со свечами, отбрасывая на потолок длинные тени, словно семеро мужчин в плащах у костра.

– Что это? – рявкнул он.

– У моей подруги день рождения. – Голос Кидан звучал совершенно нейтрально – она заранее знала, как это его взбесит. И была в восторге. – Хочешь торт...

– Убери, – приказал он. – И принеси мою кровь.

Кидан глубоко вдохнула, крепче сжимая в кармане пистолет. Его кровь. Кровь, текущую по ее венам. Будто ее тело больше ей не принадлежит. Эта часть сделки унижала сильнее всего.

Он протянул металлическую руку – еще одно отличие от Сузеньоса. Все левое предплечье было закрыто. Кидан с большим трудом поднялась и налила полный бокал своей крови. Она замерла, дожидаясь, чтобы он подошел ближе, прямо под шарики.

Самсон прошел по ковру и взял бокал. Он пил так, словно впервые попробовал воду. Когда он вытер розовые губы, его кожа слепила, словно солнце. Недобрые глаза покраснели, и он глубоко вздохнул с тошнотворным удовлетворением.

Резкая волна ненависти захлестнула Кидан, и она чуть не застрелила его на месте.

Когда он попросил крови в первый раз, она отказала.

Его влажные глаза загорелись, как у голодного волка, а рука обхватила ее горло, сдавливая трахею. Металлическая перчатка была такой ледяной, что у нее похолодели ступни. Потом он перерезал ей когтем шею, вылил кровь в бокал, будто она винная бочка, и отшвырнул ее прочь.

Из ее тела он пить не стал. Не пожелал впускать в свой искаженный разум – Кидан сочла это маленькой милостью.

Поэтому Кидан, как и все выпускники, отправилась на пункт сбора крови в укслейскую больницу Роджитов, сдала кровь и принесла сюда.

– Твоя единственная задача, наследница, – добыть мне маску и рассказать про закон дома, – сказал он, вытирая с губ кровь.

Ее взгляд скользнул по пустому бокалу. Когда-то она боялась, что эта кошмарная участь настигнет Джун.

«Никто не пил мою кровь».

Так сказала ее сестра. Потому что Джун никого не лишала жизни, она не убийца. А от акторов, которые не убивали, пить кровь нельзя. Как в детстве – когда над ними издевались, Джун закрывала глаза и забивалась в угол, предоставляя Кидан решать проблему.

Кидан ответила, не поднимая взгляда.

– Я же говорила тысячу раз. Чтобы прочитать закон, нуж-

но время. Чтобы научиться управлять законами дома – еще больше времени. Занятия начинаются в четверг. А пока тебе придется потерпеть.

Из-за ее тона Самсон обнажил клыки, и Кидан вздрогнула. Невольно вспомнила силу его рук, когда он ударил ее головой о скамью в заброшенном зале, и по телу пробежали мурашки. Он был готов сделать нечто гораздо худшее, и сделал бы, если бы не подсказка Сузеньоса, которая спасла ей жизнь.

Самсон был беспощаден, и внутри у него всегда бурлила ярость.

Впрочем, как и у нее.

Проскользнув под шары, Кидан засунула обе руки в карманы.

– Я хочу, чтобы ты ушел.

Словно волк, влекомый к мясу, Самсон приблизился к ней.

– Ты смеешь мне приказывать?

– Я пригласила гостей. – Она небрежно глянула на шары. – Не хочу, чтобы они видели, кто пьет мою кровь. Как-то неловко.

Как она и ожидала, его лицо исказилось от гнева. Ногти вытянулись в чудовищные когти с черными кончиками. Один взмах, и он может перерезать ей горло. Сердце заколотилось, как барабан. Рука Кидан привычно потянулась к запястью, черпая силу из браслета-бабочки. Синяя таблетка

помогала ей быть непобедимой, не бояться смерти.

Без нее она становилась слишком человеческой, думала о неудобных вещах – например, выживании.

Самсон взмыл к потолку – воплощение мускулистой силы – и рубанул по шарам.

Раздалось три резких хлопка – дикий звук, освободивший эмоцию, на которую она считала себя неспособной. Эмоцию, говорившую только одно: «Беги». Кидан начертила в кармане четыре угла квадрата – символа страха. Тело предавало ее. Против воли запирало в осознании грозившей опасности. Осознании, что теперь Кидан есть что терять, ради чего жить.

Она не может умереть здесь. На их лица опустился пепел от взрыва. Если она облажается, то умрет.

Бежать. Бежать.

«Нет, нарисуй треугольник. Сейчас же».

Она с огромным усилием повиновалась, обратившись к необузданной ярости. Глоток свежего воздуха.

Пепел падал медленно, почти красиво, подарив ей время прийти в себя. Разъяренное отвращение на лице Самсона сменилось замешательством, когда черные частицы попали ему в глаза. Потом в нос. Потом в рот.

– Что... – Задыхаясь, он потер глаза тыльной стороной ладони. Отступил на шаг, пытаясь откашляться.

«Давай, – приказала себе Кидан. – Убей его».

Сработало. Она быстро подбросила горсть булавок, уни-

чтожив оставшиеся шары, и потолок взорвался. Серо-черный воздух отравлял вампира. Глаза Кидан горели и слезились, но у нее не было времени плакать. Порой она боялась, что если начнет плакать, то уже никогда не остановится. Вместо этого она дважды кашлянула, проглотив пепел импалы. Он спустился в горло, попал в желудок. Может, это защитит ее изнутри. Сделает ядовитой.

Она вытащила пистолет – уверенно, без дрожи – и подождала, пока Самсон откроет окровавленный глаз.

– Я ждала этого момента, – заявила она и выстрелила ему в живот. Отдача ударила в плечо, но она была к этому готова. В жилах стучало чистое удовлетворение.

Не было места страху.

– Проклятье! – крикнул он и повалился на спину, пытаясь уползти.

Это за ним она охотилась. Не за Сузеньосом. Его тень явилась в сад ее старого дома и разрушила ее жизнь.

– Я тебя уничтожу, – она едва узнавала собственный голос, пропитанный ядом.

Он выругался на амхарском, быстро и резко.

– Твой друг умрет!

Джи Кей.

Словно сотворенный из воздуха, дом сморщился от его костяной цепи и мягких теплых глаз, всегда предупреждавших ее о смертельной опасности.

Пузырь ярости Кидан грозил лопнуть, пальцы дрожали на

пистолете. Ей казалось, она парит вне собственного тела и смотрит на себя с отвращением, как смотрел бы Джи Кей.

«Убийца», – сказал бы он с ужасом. Рука смерти, которая уничтожает все хорошее и доброе. Но Кидан никогда не хотела разрушать. Только защищать. Маме Аноэт пришлось умереть, чтобы Джун была в безопасности. Джи Кею – стать вампиром, чтобы выжить. Джи Кей поймет. Он снова увидит в ней добро. Нужно только снова завоевать его доверие. Вернуть ему человечность.

«А если он никогда тебя не простит? – прошептала жесткая часть дома, ускоряя ее пульс. Что тогда?»

Глаза Самсона торжествующе вспыхнули. Он слышал бешеный стук ее сердца.

«Сосредоточься».

– Я найду Джи Кея, – выпалила Кидан с надеждой. – После того, как отправлю тебя в ад, подальше от Джун.

Он попытался рассмеяться, но застонал.

– Джун выбрала меня.

От этих слов Кидан на секунду замешкалась – его фигура то появлялась, то исчезала. Самсон рванул вперед, прежде чем она успела сориентироваться. Он пнул ее по ногам, и она упала лицом на пол. Висок пронзила боль. Кидан пыталась подняться. Металлическая рука Самсона вонзилась ей в плечо, заставив вскрикнуть. Кидан извернулась и снова выстрелила ему в плечо – он отшатнулся. Она села на него сверху и приложила ствол к его груди – в теле пульсировал адрена-

лин.

– Она – моя сестра. – Зрение Кидан затуманилось, голос дрожал от ярости. – Ты отнял ее у меня.

Ничто не помешает ей его убить. Она направила пистолет на левую сторону его груди. Точно туда, где должно быть сердце. Начала давить на курок. На секунду в черных глазах Самсона промелькнул страх. Казалось, он бесконтрольно вспыхивал и гас – как у нее раньше. Похоже, ему тоже было ради чего жить, а это могло значить только одно. Он любил кого-то, или кто-то любил его.

Кидан нагнулась, вглядываясь в кромешную тьму его взгляда. Что за бедная душа стала жертвой его внимания? Может, стоит помучить его, отобрать возлюбленную.

Страх Самсона исчез слишком быстро, лишив Кидан возможности увидеть что-то еще. Девушка нахмурилась, когда он слабо улыбнулся.

– Идеальный момент, *wendem*.

Кидан резко подняла голову – в дверях показалась высокая фигура. Она не услышала, как открылась дверь. Несмотря на утраченную с бессмертием скрытность, ее спутник-вампир передвигался беззвучно. Кидан забыла закрыть рот. Слишком странно было наконец видеть его в этом доме. Сердце билось все сильнее.

Он вернулся.

– Птичка, – сказал Сузеньос, разглядывая ее покрытое пеплом лицо и рассыпавшиеся брейды. В его голосе мельк-

нуло подобие улыбки. – Я почти ревную. Меня ты тоже держала на мушке.

3

Кидан

Сузеньос Сагад молча стоял перед Кидан, освещенный сбоку огромным окном. От его внезапного появления у нее перехватило дыхание.

Он бросил взгляд на Самсона, потом на нее, и дом ожил, питаясь соединением их разумов. Огонь окутал Кидан, словно вторая кожа – успокаивая, а не обжигая. Уголок ее губ приподнялся от неподдельного облегчения.

В темных глазах Сузеньоса мелькнул свет, и дранаик тоже слегка улыбнулся. Без улыбки он был грозен, окутан похищенной красотой затмения. Но в редкие моменты, подобные этим, он излучал тепло. Кидан почувствовала легкую гордость, понимая, что раскрыла его иную сторону.

Жгучая ненависть к нему – к себе – исчезла, и теперь Кидан не понимала, что между ними осталось. Некая сила, сгусток концентрированной энергии магнетизма, грозивший взорваться, когда они оказывались в непосредственной близости. Но иногда она становилось мягче, как сейчас – вытаскивала ее из бездны словно рука, протянутая над обрывом.

Существо между ее ног попыталось пошевелиться, разогнав туман.

Кидан глянула вниз и еще глубже вогнала пулю в плечо

Самсона, заставив его взвыть.

Его искажившееся от муки лицо завораживало. Будто физическая боль могла искупить его злодеяния. Кидан разрывалась между желаниями продлить пытку и убить его сразу.

Она всадила пистолет в его рану, как в перезрелый плод. Самсон не сдержал отчаянного крика, и на ее пальцы хлынула кровь, пахнувшая солью и металлом. Пристальный взгляд Сузеньоса отвлекал – Кидан чувствовала, как он задерживается на разных частях ее тела, спускаясь к раздвинутым бедрам. Ее бросило в жар.

– Так и будешь стоять? – она быстро подняла взгляд.

– Не посмею прерывать работу гения. – Его голос был тих, но в нем таилось нечто темное – она не могла распознать, что именно. – Покажи, как ты обрываешь жизнь, маленькая птичка.

Когда-то эти слова могли ее ужаснуть, но теперь лишь наполняли восхитительной энергией.

– Если ты убьешь меня, – прорычал Самсон, тяжело дыша, – мечи будут утрачены.

Кидан улыбнулась его попытке выжить.

– Нам плевать.

Артефакты Мудреца могли хоть сквозь землю провалиться – Кидан все равно. Но Сузеньос шагнул вперед.

– Место нахождения артефакта должны знать трое – на случай непредвиденных обстоятельств. Таков обычай Нефрази.

– Это по-твоему, – выплюнул Самсон, и в уголке его губ застыла темная кровь. – Убьете меня сегодня, и ты никогда не найдешь мечи.

По слухам, три артефакта – солнца, воды и смерти – освободили вампиров от Запретов.

Лицо Сузеньоса исказилось. Но панельные стены не горели – они дрожали, размякнув, как занавески. Признаки беспокойства. Эти артефакты обладают над ним властью. Они всегда будут его главным приоритетом. У Кидан пересохло в горле.

– Не слушай его, – сказал она, тяжело дыша.

– Ты... потратишь... еще столетие... на их поиски. – Самсон пытался сформулировать фразу – ослабший и разъяренный. – А если... Лусидио обнаружит их раньше тебя, что тогда?

Его бессвязный лепет не волновал Кидан.

– Хватит.

Но Сузеньос резко замер, услышав имя. Заметные только им черные, извивающиеся щупальца – явно проявление ужаса – опутали его ноги. Они погасили пламя Кидан и метнулись к ней, как угри. Обвились вокруг лодыжек и обожгли, подобно огненным муравьям. В груди Кидан родилась паника. Она ждала, что Сузеньос заговорит, даст ей подсказку – как раньше, когда дом слишком усиливал эмоции. Но вампир застыл. Он едва ее замечал. Она видела, как образы прошлого терзали его в обсерватории, но сейчас было нечто

большее. Особенно пугало, что он не сопротивлялся.

Он всегда сопротивлялся.

– Йос, – позвала Кидан, надеясь встряхнуть его.

Он не ответил.

Кидан крепче сжала пистолет, призывая свою ярость рисованием треугольника на Самсоне. Красное пламя спустилось с крыши, и она охотно приветствовала его, позволяя наполнить легкие. Прогнать пальцы тени.

Сузеньос выдохнул и удивленно уставился на исчезающие черные щупальца.

Самсон слабо дернул плечами.

Сейчас или никогда.

– Увидимся в аду.

Кидан нажала на курок, но ее толкнули. Обе руки сбились с прицела. Пуля попала в ножку стула, и все взорвалось. Пистолет выскочил из рук и полетел по полу, вращаясь, прежде чем замереть. Кидан схватила его ровно в тот момент, когда какая-то фигура перевернула ее на спину и прижала к полу.

Сузеньос... склонился над ней с суровым лицом.

– Какого черта ты творишь? – крикнула она, и вокруг закружилось огненное торнадо.

Он мрачно бросил полный ненависти взгляд на Самсона. По-прежнему живого.

– Он прав. Сначала мне нужен артефакт.

Это какая-то шутка.

Кидан извивалась под ним, ругаясь до боли в легких.

– Мы должны немедленно его убить. Это наш шанс! Клянусь Богом, Йос, если ты отпустишь его, я тебя прикончу. Он убьет Джи Кея!

Сузеньос посмотрел на нее покорно, но решительно. Постепенно Кидан сдалась – ее охватило жестокое разочарование. Они наконец достигли взаимопонимания, смогли работать и убивать вместе. Сузеньос не может предать ее сейчас.

– Не делай этого, – прошептала она, недовольная мягкостью собственного тона.

Он на мгновение опустил глаза, но в голосе не прозвучало эмоций.

– Мы никогда не были так близки к тому, чтобы собрать все артефакты.

Кидан закричала на Сузеньоса, но вампир не ослабил хватки. А потом медленно отпустил ее. Сбитая с толку Кидан на мгновение замерла и поползла к пистолету.

Но его поднял кто-то другой.

Над Кидан навис крупный мужчина – почти вдвое выше ее ростом. Его руки напоминали стволы деревьев, а лицо внушало ужас. Уорд, один из последователей Самсона.

Кидан отпрянула.

За ним робко стояла Джун.

У Кидан потемнело перед глазами.

Мягкий взгляд сестры нашел ее. Удивительно, какой властью он обладал, крепко сжимая сердце Кидан.

Гостиная снова преобразилась – теперь под стать глубо-

кой синеве океанского дна. Внутри зашевелилось столь глубокое чувство потери, что Кидан не смогла задержаться на нем надолго. Она зажмурилась, пытаясь пробудить мысли о чем-то другом – о том, что не наполняло ее подобной болью.

Но дом усиливал любые эмоции. А Кидан чувствовала одиночество и страх. И нуждалась в сестре. Она открыла глаза, пытаясь обрести смелость.

«Иди ко мне», – безмолвно умоляла она.

Сестра нахмурилась, осмысляя происходящее. Самсон попытался встать – он впился когтями в кожаный диван в попытке удержать равновесие. Ткань порвалась, и вампир повалился на спину, хватаясь за рану. Джун бросила встревоженный взгляд на Кидан.

Кидан затаила дыхание, приподняв руку.

«Пожалуйста, иди ко мне».

Джун направилась к Кидан, оказываясь все ближе и ближе, почти вплотную... и прошла мимо.

Их плечи соприкоснулись, нежно и грубо, как лист касается мчащегося поезда.

Кидан безмолвно ахнула, у нее почти подогнулись колени.

Ее сестра наклонилась, поддержав Самсона.

– Ты в порядке?

Кидан поморщилась от сладкого голоса Джун – и от того, как она по нему скучала. И что даже сейчас ее главной мыслью было: сестра жива.

Она в безопасности.

– Переживу, – проворчал Самсон, вытаскивая одну из пуль.

Как и при первом появлении Джун – с длинными завитыми брейдами и сияющим наивным лицом – у Кидан во рту появился кислый привкус предательства. Кидан потратила на поиски Джун больше года, она убила Маму Аноэт, а теперь ее сестра поддерживает вампира, который хочет обратить мир в хаос. Кидан не узнавала эту испорченную версию Джун, столь холодную и расчетливую по отношению к Кидан. Кидан сомневалась, что сможет простить Джун за побег. А когда Джун узнает, что Кидан убила их приемную мать, Джун тоже не простит.

Ей хотелось закричать на Джун, спросить почему, почему, почему...

И у нее не осталось сил ждать.

Самсон выпрямился с помощью Джун, крихтя от боли. У него в животе по-прежнему оставалась пуля.

– Уорд, – с трудом выдохнул Самсон.

Гигант прошел мимо Кидан, его тень упала ей на лицо. У него на шее постукивала толстая костяная цепь. Знакомый звук привлек внимание Кидан, и она обернулась, разглядев тихого вампира, без усилий поднявшего Самсона.

Он мот зебейя, как Жи Кей? Только они носят цепи из фаланг пальцев.

Джун последовала за Самсоном наверх, даже не взглянув на Кидан. Грудь Кидан горела, пальцы сжались. Обернув-

шись, она обнаружила: за ней наблюдал Сузеньос.

За его плечами плясали золотые нити, сплетаясь в завораживающе прекрасные буквы.

**ЕСЛИ СУЗЕНЬОС САГАД ПОСТАВИТ
ПОД УДАР ДОМ АДАНЕ, ДОМ, В СВОЮ
ОЧЕРЕДЬ, УКРАДЕТ У НЕГО ЧТО-ТО РАВНОЙ
ЦЕННОСТИ.**

Его взгляд мельком скользнул по надписи, но лицо оставалось беспристрастным. Как потенциальные хозяева дома, прочитать ее могли только они вдвоем.

По крайней мере, пока. Интересно, сколько времени потребуется Джун.

Возможно, Сузеньос подумал о том же.

Кидан могла поверить, что он в порядке, если бы не слышала в стенах медленный, жуткий стук боевых барабанов. В этом доме Сузеньос был человеком, столь же уязвимым и смертным, как Кидан.

И Кидан на него ужасно злилась.

– Кто такой Лусидио?

Из-за этого имени он ее предал.

Дом содрогнулся от ее вопроса.

По полу и стенам пробежали трещины – словно черные лозы. Кидан отшатнулась, вытаращив глаза.

Эта эмоция... раньше Кидан никогда в нем ее не ощущала. Ярость – да. Но такой холодный, словно кристаллизованный страх – никогда.

Сузеньос сжал зубы, посмотрев на реакцию дома, и бросил взгляд на дверь.

– Позже, – хрипло сказал он.

Он поспешно направился к выходу. Кидан на мгновение замерла. Потом подошла к окну у вешалки, раздвинула шторы и увидела Сузеньоса у калитки – его плечи поднимались и опускались.

Дом действовал на него все сильнее. Кидан был знаком избыток эмоций, но казалось, тут нечто большее. Словно порой расчетливый ум Сузеньоса сосредоточен не только на Самсоне, но и на Кидан. И она стала неожиданной проблемой, которую он пытался поскорее решить.

4

Кидан

Кидан металась по гостиной в ожидании Джун, окутанная языками красного пламени. Чем больше она думала о сестре наверху, тем жарче горела кожа. Даже когда наконец ушел Уорд, Джун осталась с Самсоном.

Это стало последней каплей.

«К черту».

Кидан взбежала по лестнице к бывшей комнате Сузеньоса, в ушах стучала кровь. Она пинком распахнула дверь. Самсон лежал на кровати без рубашки, его тело изуродовали дыры от пуль. Левая рука, свободная от металлической перчатки и покрытая чем-то, похожим на листья, была в ладонях Джун. Та мягко улыбалась, словно военная медсестра у койки раненого солдата. В глазах Джун сияла неподдельная радость, когда она лечила это чудовище.

Кидан болела редко, но, когда болела, именно Джун готовила ей суп. Кислый, травяной, настоящее издевательство для вкусовых рецепторов – но он всегда срабатывал. Джун прижимала тыльную сторону ладони ко лбу Кидан, приговаривая: «Ненавижу, когда ты болеешь».

В горле встал ком, но Кидан его прогнала.

Рванула к кровати и резко потянула Джун за руку, несмотр-

ря на пронзительный писк сестры.

– Кидан! – воспротивилась Джун, наконец обретя голос. – Отпусти!

Кидан лишь сильнее сжала пальцы. До боли. Джун захныкала. От этого звука запах свитков сменился дешевыми сигарами и спертым воздухом. Мама Аноэт часто хватала их за руки – ее мозолистые пальцы впивались в кости и вытаскивали их из ванной всякий раз, когда они мыли волосы слишком часто, впустую растрачивая воду. Джун дрожала и хныкала, широко раскрыв глаза.

И теперь она смотрела на Кидан с тем же дрожащим страхом.

У Кидан пересохло во рту – огромной волной нарастало желание извиниться.

«Прости, Джун. Я не хотела причинить тебе боль. Я не такая, как она. Я просто хочу поговорить...»

Самсон приподнялся на кровати, прижимая руку к раненому животу. Тень в ночи. Монстр, которого предпочла ей Джун.

Чувство вины полностью испарилось.

– Не трогай ее, наследница, – прорычал он, но голос был напряженным, слабым.

У Кидан в жилах застыла кровь. Не говоря ни слова, она затащила Джун в свою спальню, швырнула внутрь и заперла дверь, тяжело дыша.

Ее лицо пылало опасным гневом – каждая жилка. Когда

она обернулась, Джун смотрела на нее, вытаращив глаза, вцепившись ей в руку. На какой-то миг она напонила Рамин Аджтаф – хрупкую, обреченную на гибель. Которую нужно защищать. Кидан очистила разум, пожелав наконец увидеть истинную природу вещей. Зло как зло. Добро как добро.

Кидан не Мама Аноэт. Джун не Рамин Аджтаф.

И она готова узнать, кто ее сестра на самом деле.

– Говори. Сейчас же.

5

Кидан

Кидан и Джун Адане, единственные выжившие наследницы своего дома, смотрели друг на друга так долго, что комната стала водой.

Легкие Кидан наполнились жидкостью – она желала, чтобы время ускорилося, и с нетерпением ждала, когда сестра заговорит и вытащит ее на берег. Кидан с легкостью могла это представить. Как они справятся.

Нужно совсем немного. Простое извинение. Долгое объятие.

Они ссорились и прежде. Так сильно, как сейчас – никогда, но они могут помириться, если захотят. Кидан предпочла бы попытаться простить сестру, а не ненавидеть.

Джун оставалось лишь извиниться. Признать ошибку. Сказать Кидан, что еще любит ее.

Им будет совсем не сложно вернуться к прошлым отношениям. Достаточно лишь одного – правдивого объяснения.

Но первыми словами Джун стали:

– Маска у тебя?

Это прозвучало тихо, с обычной для Джун робостью, но оказалось острее любого ножа и разорвало последнюю нить между ними.

Колючая проволока душила сердце, и с каждым вдохом грудь Кидан наполняла боль.

Артефакт.

Причина всех заговоров и предательств между Сузеньосом и Самсоном, а теперь – между Кидан и Джун. Охота за артефактами Последнего Мудреца – маской, кольцом и двумя мечами. Когда все они будут найдены, оковы вампиров разрушатся. Они смогут пить кровь любого человека, размножаться, не убивая себя, и получают доступ к подавленным силам.

Самсон Сагад владел артефактом воды – двумя клинками. Дом Адане хранил в своих стенах артефакт солнца – маску.

Артефакт смерти, рубиновое кольцо, по-прежнему было затеряно во времени.

И вот они столкнулись, словно дети из-за игрушек. Кидан хотелось закричать.

В ее голосе звенел гнев.

– Ты предала меня ради артефакта?

Джун сжалась еще сильнее.

– Так нужно Самсону.

У Кидан все поплыло перед глазами, ноздри раздулись.

– Вот так просто? Вы с ним *вместе*?

Она почувствовала легкий укол удовольствия, когда сестра вздрогнула от стыда.

Джун моргнула.

– Не в этом смысле. – Редкий приступ гнева ожесточил ее

голос. – Я помогаю ему.

– Ты бросила меня! – взорвалась Кидан, и стены комнаты вспыхнули, пропитавшись энергией. Все, что Кидан сдерживала, вырвалось наружу.

Джун не осознавала, насколько она близка к смерти от удушения.

– Ты знаешь, через что я прошла, разыскивая тебя? Я не могла дышать, не могла спать. Я думала, тебя пытаются, тобой кормятся, и – и – бог знает что еще. – Голос Кидан разлетелся на куски. – Как ты могла меня бросить?

Лицо Джун исказилось, словно ей было больно это слышать. Джун всегда плохо переносила боль окружающих, даже плакала над песнями о разбитых сердцах. Отлично, этого Кидан и добивалась. Чтобы сестра поняла, через какой ад она прошла. Потому что, боже, как она могла не подумать, что станет с Кидан? Когда-то они понимали друг друга с полуслова, но теперь между ними повисла маска.

Кидан схватила нежные руки сестры, пристально вгляделась в знакомые медовые глаза. Она отчаянно пыталась сократить разрыв.

– Твои слова в том видео... неправда. Ты бы не бросила меня без причины.

По стенам поползли синие пятна – печаль от воспоминаний разбивала ярость, словно стекло.

– Я назвала тебе причину, – ответила Джун голосом мягким, как лепестки, глядя на сцепленные руки. – Мне нужно

было почувствовать себя в безопасности, и Нефрази помогли мне. Теперь я должна помочь им.

Холодный сапфировый ветер закружился вокруг, опустошая Кидан. Снова эти ядовитые слова.

– В безопасности, – ровным голосом повторила она. – Ты ушла, потому что я тебя не уберегла?

Ответом послужило молчание Джун, нахмуренные брови и нежелание встречаться с Кидан взглядом.

– Потому что я не поверила, что за тобой следят?

Кидан удалила то видео, но оно крутилось в доме несколько ночей, напоминая ей об ошибке. И теперь не давало ей покоя. Джун не отвечала, ее взгляд был устремлен куда угодно, но не на Кидан.

– Я пыталась все исправить, Джун. Я искала тебя.

– Я не хотела, чтобы ты искала меня, – наконец сказала ее сестра.

Нет, какой-то бред. Джун умеет прощать. Джун добра. Она бы не ушла без причины.

– Скажи, что я сделала не так, – взмолилась Кидан, понимая, что ей следует остановиться. – Скажи, как исправить. Вернуть. Я готова на все.

Отчаяние в ее голосе прозвучало жалко. Но это ее сестра. Единственная на свете душа, кто горевал с ней о потере родителей и жил под опекой Мамы Аноэт.

Она должна попытаться. Сразиться хотя бы раз.

Словно почувствовав ее мысли, Джун разорвала контакт.

Отступила назад. У Кидан в ушах взревел океан. Этот жест оказался яснее тысячи слов. Сделанный Кидан браслет – бабочка с трехконечным шармом – по-прежнему сиял на запястье Джун. Кидан предпочла бы, чтобы сестра сняла его. Он напоминал о самых сокровенных воспоминаниях. Как каждую ночь Кидан словно колыбельную шептала истории о Трех Запретах, чтобы облегчить кошмары Джун.

Первый Запрет: вампиры могут питаться только кровью восьмидесяти семей актеров.

Второй Запрет: вампиры потеряли силу и могущество.

Третий Запрет: вампир может обратить тебя только ценой своей жизни.

«Мы в безопасности, Джун. Все в порядке. Последний Мудрец позаботился об этом. Возвращайся в постель».

Очевидно, этого оказалось недостаточно. После долгого молчания Джун вздернула подбородок. Ее взгляд наполнила твердая решимость.

– Маска у тебя?

Кидан почувствовала, как разбивается вдребезги. Предмет. Все девятнадцать лет, которые они провели вместе – ходили в школу, прятались от Мамы Аноэт, праздновали дни рождения раньше срока, – превратились в чертов предмет. Какая-то бессмыслица. Полная бессмыслица.

– Вот чего ты хочешь? – прошептала Кидан, вытирая щеки. – Маска сделает тебя счастливой?

Джун замялась, ерзая.

– Да.

Кидан сглотнула желчь, ее голос хрипел.

– А когда ты ее получишь?

Легкое сомнение, а затем:

– Мы уйдем.

Руки Кидан сжались в кулаки, сдержанные слезы жгли глаза. Она задыхалась от жестокости Джун. Ожидала ее, но каждый раз снова чувствовала боль.

– Ты снова уйдешь?

«Перестань умолять, – приказала себе Кидан. – Ты выглядишь жалко».

Когда Джун заговорила, ее тон был смиренным, побежденным. Будто связь между ними разорвалась безвозвратно.

– У тебя своя жизнь, Кидан. А у меня своя.

Джун прошла мимо, и сердце Кидан заколотилось от паники. Она больно вцепилась в запястье сестры.

– Если это все, чего ты хочешь, ты ничего не получишь. – Голос Кидан понизился до чистой злобы. – Я сделаю все, чтобы она никогда тебе не досталась, Джун. Клянусь.

Ее сестра замерла. Кидан надеялась ее встряхнуть. Надеялась, страх заставит Джун извиниться. Вернуться.

Но на изящном лице не было испуга. А в словах – тем более.

– Тогда я достану ее сама.

Кидан моргнула, глубоко потрясенная, а потом прошепела:

– Я – наследница. Единственный путь унаследовать этот дом и получить маску – моя смерть.

Громкие барабаны отдавались эхом с каждой секундой молчания ее сестры. Кидан осознала смысл этого молчания. Джун, которая ненавидела смерть и плакала даже при мысли о раздавленном насекомом, глазом не моргнула при упоминании смерти Кидан.

Как она могла промолчать?

Джун отвернулась, и комната погрузилась в волны безжалостного океана.

– Декан спросила, знаю ли я закон дома Адане. Ты же его знаешь?

Кидан промолчала.

– Понятно. Это мне тоже придется узнать самой.

Джун ушла.

Кидан повалилась на кровать и взяла телефон, пытаясь найти видео, записанные Джун в четырнадцать лет.

«Привет, ребята. Снова случилось нечто постыдное. Мы были на вечеринке, и я чуть не упала. Но рядом оказалась Кидан, она всегда обо мне заботится».

Напряженно дыша, Кидан пыталась распознать скрытые эмоции, определить, когда именно сестра решила от нее избавиться.

В видео этого не ощущалось. Не было холодной, непреодолимой дистанции. Джун любила ее. Кидан слышала это в воспоминаниях. Единственное, что пересиливало любовь

Джун к Кидан, – страх перед постоянными кошмарами. С каждым видео Джун становилась все более замкнутой, ее взгляд – пустым. Потом было видео, где Кидан заставляла Джун пить таблетки, не веря, что за ней следят.

Видимо, именно тогда. В тот момент Джун решила: с нее довольно.

Кидан больше не могла ей помочь. Даже у нее не было сил проникнуть в чужое сознание и прогнать демонов.

И когда Кидан единственный раз потерпела неудачу, Джун... бросила ее.

Сердце сжалось. Она попыталась унять панику, заставить пространство сдвинуться, но ничего не получалось. Навалились тревога и ужас, и нужно было выйти из комнаты, чтобы снова нормально вдохнуть. Но дверь оказалась очень далеко, и она дышала слишком часто. Колени дрожали – она наклонилась, коснувшись косами пола.

Дыши, – зазвенел в голове чужой голос, ее напугав. *Вставай и иди.*

Кидан ухватилась за край кровати и поднялась на дрожащие ноги. А потом двинулась вперед, морщась с каждым шагом.

Коридор превратился в лесную поляну с опьяняюще чистым воздухом. Станный знакомый голос исчез, как только она оказалась в безопасности.

Кидан прислонилась к стене, и ее взгляд метнулся к комнате Сузеньоса. Сердце снова пронзила горькая боль. Как

только он получит артефакт, он тоже уйдет, чтобы продолжить охоту за третьим.

Ее достало, что все бросают ее. Семья всегда должна оставаться рядом. Близкий человек должен обещать остаться.

Кидан стиснула зубы, вытирая подступающие слезы. Преданности не существует – важно лишь то, что она может предложить. Кидан поняла: есть только один способ убедиться, что ее никогда не отвергнут.

«Надо привязать их». Теперь это был ее собственный голос, полный злобы, выворачивающей душу. «Заставить их нуждаться в тебе. Всегда».

Сузеньос говорил, ее истинная сила – способность устанавливать любые законы в собственном доме, и только теперь она поняла всю ее глубину.

Кидан станет хозяйкой этого дома. Установит свои законы. Ее пальцы чертили на полу фигуры: треугольник, квадрат.

Три закона. Ей нужно лишь три закона.

1. Заставить Самсона вырвать собственное чертовое сердце.

2. Снова сделать Джи Кея человеком.

Ее тайная надежда. Всякий раз, когда она мечтала об этом, внутри пульсировала тревожная энергия. Дом сделал

человеком Сузеньоса, почему бы не повторить с Джи Кеем? Если она предложит ему такое, он ее простит. Поймет, почему она заставила его стать вампиром: чтобы спасти его жизнь.

На стене перед ней появились испуганные глаза обманутого Джи Кея, когда она заперла его в склепе Укслея. Кидан покачала головой, цепляясь за новый план. Да, ей нужно стать хозяйкой дома, прежде чем приводить сюда Джи Кея. Он снова станет вампиром, как только покинет дом... Но хоть в какие-то моменты будет прежним. Сможет постепенно привыкнуть к вампиризму. А если он захочет оставаться в доме все время, то пусть.

Кидан не против жить здесь с друзьями. На самом деле, это может оказаться довольно приятно. Наполнять тишину по вечерам звонким смехом Юсефа или скрипкой Слен.

И наконец – последний закон. Из-за него ей отчаянно хотелось немедленно побежать к профессору Андреасу и умолять рассказать ей все секреты владения домом – потому что она, черт подери, не может ждать.

3. Заставить Джун почувствовать боль прошлого года.

6

Кидан

Кидан проснулась в коридоре.

Ей снова снился Джи Кей и стук его костяной цепи. В последнее время он снился ей часто. Пытался что-то сказать, но Кидан никак не могла разобрать, что именно.

Она помнила только его холодные глаза – глаза преданного ей человека. Мягкие карие зрачки принимали золотистый оттенок красного дерева. Из пальцев вырастали когти. Кидан старалась на этом не заикливаться – от воспоминаний об истекающем кровью теле и перевоплощении становилось нехорошо.

Всю ночь раздавались тихие стоны Джун – этот звук сопровождал Кидан всю жизнь. Именно поэтому она переоделась и вернулась в коридор. Чтобы быть рядом. Кошмары Джун не прекращались. Страшные сны сжимали ее тело и заставляли корчиться, пока ее не будила Кидан – каждую ночь... И сейчас словно ничего не изменилось. Только на этот раз Кидан к ней не пошла. Вместо этого она стиснула зубы и читала под мерцающей лампочкой книгу, пока Джун не затихла и Кидан снова не смогла заснуть.

Ей никак не давал покоя вопрос: как, черт возьми, они к такому пришли? Кидан до сих пор не могла поверить в про-

исходящее. Джун хотела захватить этот дом. Сколько пройдет времени, прежде чем дранактия подтолкнет ее лишиться Кидан жизни?

Кидан потянулась и зевнула. Все стихло. Слабые лучи плясали по ковру, согревая ее тело. И вдруг она кое-что заметила. На нее накинули одеяло.

Она недоуменно нахмурилась и потянулась к потрепанной книге, которую безотрывно читала.

«Традиционные мифы Абиссинии».

Кидан посмотрела на пометку Жи Кея – обведенное имя Нефари, единственное число от Нефрази. С помощью этой книги он помог ей раскрыть секрет Сузеньоса, и на высохших страницах таилось еще немало. Она долистала до раздела под названием «Три Запрета и Три Артефакта». Нужно узнать, как именно разрушить эти запреты. Какого черта Джун и Самсон так отчаянно гонятся за артефактом маской?

Но в разделе почти ничего не говорилось. Между страницами виднелся небольшой провал, словно некоторые были вырваны. Но номеров на них не было.

Если верить Слен, когда-то экземпляров этой книги было много. Потом они начали исчезать. Последний оригинал хранится в Доме Адане. «Традиционные мифы Абиссинии» были упрощенной версией «Йе Абисси Тарик». По рассказам, Абиссиния – загадочное место между двумя затмевающими небо горами – породила первого Мудреца и первого

Дранаика. Никто не знал мифов из «Йе Абисси Тарик» целиком – каждая страница была написана на своем африканском языке.

Кидан провела пальцем по неровности в книге – почти гладкой, если не знать, где искать. Сузеньос не желал давать ей эту книгу. По ее предположению – потому что там раскрывается происхождение Нефрази. Но похоже, он хотел утаить и нечто еще.

Настолько, что вырвал листы, прежде чем отдать ей книгу.

Пальцы Кидан инстинктивно потянулись к запястью. Но браслет-бабочка с синей таблеткой внутри исчез. Его отобрал Сузеньос. Иногда к Кидан возвращалось желание умереть. Мысль мимолетная, как оттенок неба или ее любимая цитата из «Безумных любовников» – но дом ее ловил и премоножал. В такие моменты она лезла в карман и доставала сложенный листок бумаги, как сейчас.

Идеальный почерк – забота и тепло в каждом предложении.

От первой строчки у нее всегда екало сердце.

*Моя дорогая Кидан,
В этом мире много нелепейшего зла. Можешь мне
поверить, я сталкивался со всеми его видами. Но
страшнейшее из зол живет в разуме.*

Это была ее самая сокровенная тайна. Она перечитывала письмо каждый раз, когда мир давил со всех сторон и ей требовалось напоминание.

Он хочет, чтобы она жила.

«Ведь ты сможешь достать ему артефакт», – прошептал жестокий голос.

Кидан отбросила письмо, прижав кулаки к глазам. Нет, неправда. Неужели?

– Я смотрю, коридоры по-прежнему затягивают тебя, – глубокий низкий голос нарушил тишину утра.

Кидан отпрянула – у нее чуть не выскочило сердце. Сузеньос поднялся по лестнице и облокотился на перила, его глаза сияли.

– Я думал, ты их победила?

Она напряженно глянула на дверь его старой комнаты – теперь там жил Самсон. Ожидая, что тот выйдет с минуты на минуту.

Сузеньос проследил за ее взглядом.

– Его здесь нет. Он занял мою комнату, да? Как предсказуемо.

Кидан по-прежнему сжимала в руке письмо и быстро сунула его под одеяло.

– Сейчас можно говорить свободно, – сказал он. – Твоя сестра тоже ушла.

Немного расслабившись, Кидан принялась разглядывать Сузеньоса. Он выглядел все так же – высокий, худощавый, с возмутительно чистой коричневой кожей и точеным подбородком. И глазами цвета угля. Он по-прежнему напоминал потерянного короля, достойного запечатления на холсте.

Непозволительная красота, хранящая слишком много тайн.

От ее ног метнулось пламя, облизав подошвы его ботинок, и он скривил губы.

– Почему ты пылаешь, маленькая птичка?

– Из-за тебя я потеряла оружие, – сказала она, ненавидя дом за предательство.

– Я достану тебе новое, – пообещал он. – Итак, когда мы убьем ее?

– Кого? – моргнула Кидан.

– Твою предательницу-сестру. Окажешь ей честь сама или доверишь дело мне?

На несколько секунд у Кидан отвисла челюсть. Потом дернулась мышца.

– Мы не станем ее убивать.

Он поднял брови, почти забавляясь.

– Она угрожает твоему положению наследницы, бросает тебя без причины, а мы должны оставить ее в покое?

Кидан открыла и закрыла рот – в груди разлилась волна боли. С Сузеньосом так легко быть честной – хоть это и опасно.

– Я ее ненавижу, – наконец призналась она.

Его улыбка стала шире. Обычно она казалась Кидан красивой. Сейчас ей хотелось его ударить.

– Но я не стану убивать сестру.

Он вздохнул, и она ощетинилась.

– Ты помешал мне убить Самсона. Он наш враг.

Он прищурился.

– Я сохранил ему жизнь лишь потому, что нам нужен артефакт – мечи. В чем ценность твоей сестры?

Кидан покачала головой, не в силах осознать его жестокие слова.

Ценность.

А в чем тогда ценность Кидан? Поэтому он оставил ее в живых? И что он сделает, если она перестанет быть ценной?

Он проследил за ее темными глазами.

– Что это за взгляд? Ты ведь не станешь осуждать меня снова, правда, *уенé* Роана?

– Ты хочешь убить Джун не ради меня, – осторожно говорила она. – Ты боишься, что она прочтет закон дома. Узнает, что он о тебе.

Он встретил ее взгляд с равной долей гнева.

– У меня может быть больше одной причины убить, маленькая птичка. Для тебя у меня когда-то было пять.

Кидан почти улыбнулась, но не позволила ему отвлечь себя.

– Если Джун прочтет закон, то расскажет Самсону, верно? Не говори, что это не приходило тебе в голову.

От улыбки не осталось и следа. У Кидан по спине побежали мурашки от холода, моментально сковавшего лицо Сузеньоса.

– Я этого не допущу.

– Ты не тронешь Джун, – медленно сказала Кидан и под-

нялась с пола, откинув одеяло. – Я с ней разберусь. Подчиню дом и заставлю ее заплатить.

Кидан ожидала от Сузеньоса гнева, но его взгляд скользнул по ее голым ногам медленно и осторожно – словно это примечательное зрелище. Она забыла, что по-прежнему в шортах и огромной рубашке. У нее запылали щеки, когда коридор окутал легкий туман. Их плечи окутали знакомые, пьянящие ароматы ванной Аровы.

Это ее желание или его?

Она ждала его обычного игривого замечания, которое спровоцирует прикосновение или удар, но он молчал. И просто обнял Кидан, словно наслаждался временем с ней, как с произведением искусства.

Ее кожа порозовела от столь пристального внимания. Он словно знал – у нее внутри много всего, что можно исследовать и чем наслаждаться. Ужасные, порочные вещи. Но и нежные сны. То, о чем она никогда никому не расскажет – только ему. Она потеряла голову, увидев себя в его сверкающем взгляде.

Туман сгустился, наполнив рот слюной.

Сузеньос наклонился, и она замерла, отслеживая каждое движение. Он поднял книгу мифов, и его пальцы коснулись ее ноги. Настолько нежно, что она бы не почувствовала, если бы не следила. Она набрала в грудь воздуха и задержала дыхание, не зная, умышленно ли касание.

«Сосредоточься на книге».

Откашлявшись, она заговорила.

– Несколько страниц не хватает. О Трех Артефактах и Трех Запретах.

Кидан всматривалась в его лицо, выискивая хоть какой-то ответ.

– Об артефактах ходит столько мифов, что недолго сойти с ума.

Слова прозвучали разумно, но он был осторожен – от слов до напряженной позы.

Они замерли в шаге друг от друга – достаточно близко, чтобы обняться – но книга и утраченные знания стали холодным напоминанием о расстоянии, которое предстоит преодолеть.

Взгляд Кидан упал на потрескавшийся кожаный корешок.
– «То, что я лгал тебе, Кидан, не идет ни в какое сравнение со зверствами, которые я совершил». Ты сказал мне это однажды. И что ты всегда, в любом случае будешь хранить знания об артефактах.

Он не стал отрицать – и как ни странно, она это ценила. Как два мошенника, они могли позволить себе открыто говорить о секретах.

– Знание – не всегда сила. Это еще и тюрьма, – ответил он. – Студенты, изучающие дранактию, каждый семестр легко и беззаботно входят в башню отделения философии, пока не узнают, что им на самом деле придется сделать. Они никогда не смогут отказаться от этого знания, как и вы. Это

само по себе проклятие.

Без вампиризма насыщенный блеск кожи Сузеньоса смягчился, и на его стало легче смотреть. Дом изменил его, стер беспечность бессмертия и наполнил меланхолией.

– Я не помню, кем был до того, как узнал об артефактах, – продолжил он тихо, и в черных зрачках горела жгучая жажда. – Я мечтаю о них, я поклоняюсь им, и я провел бессчетные годы в погоне за ними. Вот что делает знание. Оно не приближает, оно отдаляет. Топит в одиночестве.

Кидан захотелось прогнать его строгость.

– Но если ты расскажешь, я составлю тебе компанию. Разве мы не поклялись?

Она отчетливо помнила церемонию посвящения. Ее слова, прежде чем клыки вонзились ей в горло:

«Клянусь относиться к тебе как к равному и требовать от тебя не больше, чем требовала бы от родных».

Когда Сузеньос промолчал, Кидан осмелилась придвинуться ближе – достаточно близко, чтобы пересчитать его ресницы. Он внимательно смотрел на нее, но не отстранялся.

Туман вокруг сгустился. И в нем открылась губительная истина – Кидан больше не могла ее отрицать. Этот дом невыносим без него. Холодный, как скорлупа, безжизненный, как ее старая квартира. Без скрипа его ручки или простой возможности поднять взгляд и увидеть его у камина, сосредоточенного на книге или артефакте, все лишалось солнечного света. Только без него Кидан осознала, насколько пугающе

важно ей было его присутствие рядом.

Ее бросали всю жизнь – это стало привычным языком взаимодействия с другими. Поэтому Джун и Жи Кей сейчас занимали в ее мыслях столько места. И Кидан молилась ничего не почувствовать после ухода Сузеньоса – не так быстро, не из-за него. Но промелькнул привкус чего-то притягательного. Не такого сложного, как любовь, и не такого простого, как влечение – тревожная потребность быть рядом.

Неважно, как это называется.

Вся глубина чувств настигнет ее, только если он снова уйдет. И она отказывалась испытать их в тот момент, когда он ее бросит.

Поэтому он должен остаться.

В этом доме.

С ней.

Кидан разглядывала изгиб его губ – полных, мягких и обманчивых. Невозможно поверить, что под ними скрываются столь чудовищные клыки. Но кожа помнила их острые кончики, словно два ядовитых шипа – быстрые, болезненные и лишаящие рассудка. Интересно, каково это – почувствовать эти губы на своих губах? Способны ли они на нежность – такую же осторожную, как его пальцы в ее жестких волосах.

«Не позволяй мне тебя целовать. Это будет последним, что ты запомнишь».

Затылок горел, мышцы внизу живота сжимались. Может, именно поэтому он остановил ее в День Коссии – боялся

порезать ее язык на куски. Но удержаться становилось все сложнее.

Она жаждала доказательств, что по-прежнему нужна ему, когда не нужна больше никому.

В этом коридоре, прямо сейчас, он человек. Его поцелуй не должен причинить боли.

Кидан коснулась его щеки, не в силах сдержаться. Он окаменел. Осмелев, она провела пальцами вниз, к подбородку. И ожидала увидеть его торжествующую улыбку в ответ на проявленную инициативу.

Но он вздрогнул. Словно она сделана из шипов, не из плоти.

Она отдернула руку.

Лицо Сузеньоса исказилось, словно ее прикосновение было греховным, хотя он делал гораздо большее бесчисленное количество раз. Она не понимала правил их отношений.

Кидан собралась с духом, пытаясь скрыть пылающие щеки. Поглотившая их тишина стала невыносимой – гуще дыма.

Сузеньос сжал зубы и отвернулся.

– Декан Фэрис хочет с нами поговорить. Одевайся.

Он уже направился к лестнице.

– А Лусидио? – сердито спросила Кидан. – Ты мне расскажешь?

Сузеньос замер и медленно повернулся – словно ожидал этого вопроса. Что же таит это имя?

Сладкий пар исчез. По полу в коридоре начали извиваться черные лозы. Сузеньос посмотрел на них и стиснул зубы. Этот сковывающий страх был инстинктивным, твердым. Он тревожил ее.

– Кто такой Лусидио? – повторила Кидан.

Пугающе неподвижный взгляд Сузеньоса дрогнул. А потом он сделал то, чего Кидан никогда прежде не видела.

Дважды моргнул. Быстро.

Да, прежде он закрывал глаза. В моменты покоя, чтобы избавиться от эмоций. Но никогда – столь непроизвольно, столь по-человечески. Предательский знак страха.

– Вампир-отщепенец, – отрывисто бросил он. Разговор оборвался, не начавшись. – Молись никогда не встречаться с этой душой.

– И?

– И все.

Нет, в его взгляде скрывалось что-то еще. Слишком много темного прошлого.

– Это он сделал что-то с твоими придворными? – Она всматривалась в его лицо. – От него ты бежал?

Как и в прошлый раз, когда она спросила об опасности, которая грозила Нефрази, он ничего не ответил. Отказывался говорить даже под дулом пистолета.

Будто служил еще одному закону.

Он скользнул по ней холодным, безразличным взглядом.

– Снова осуждаешь, птичка?

– Если ты скажешь правду, не буду.

– Сомневаюсь. Осуждение у тебя в крови. Однажды оно настроило тебя против меня – не спеши повторяться. – Он повернулся к ней спиной. – Одевайся. Мы опаздываем.

Кидан смотрела ему вслед и думала о еще одном законе, который она установит.

4. Заставить Сузеньоса рассказать ей правду – обо всем.

Кидан

С тех пор, как Кидан забрала корону Сузеньоса, он медленно раздевал ее, забирая по одному предметы одежды – их новая игра. Кидан размышляла об этом, пока переодевалась в коричневые брюки и серый свитер и завязывала галстук университета Укслей. Сузеньос так и не вернул галстук, который забрал в прошлом семестре. Как и изумрудную заколку с Праздника актеров. Но окончательным победителем станет заполучивший маску.

Кидан вышла во двор, где ее ждал Сузеньос с золотой флягой в руке. Он скользнул взглядом по ее галстуку, и на губах промелькнула улыбка. Кидан подавила желание поправить галстук и пошла дальше. Казалось, взгляд Сузеньоса непрерывно прожигает ее – и она не знала, что с этим делать.

Ветер трепал одежду, пока они шли по тропинке к дому Фэрисов, и в воздухе витал аромат мокрых от дождя листьев и земли. Кидан почувствовала его запах – ноты горящей древесины.

Когда их плечи мельком соприкоснулись, Сузеньос резко вздохнул – его лицо исказилось, словно от боли, и он сделал шаг в сторону. Кидан старалась не обращать на это внимания. Он ей не враг, но это не значит, что он хочет большего.

Хотя в День Коссии он определенно испытывал интерес.

Сузеньос сделал глоток из золотой фляги, слегка нахмурился и убрал ее. Кровь тети Силии. Удивительно, что она еще не закончилась.

– Зачем декану с нами встречаться? – спросила она, недоумевая, почему он не просит ее крови.

– Без сомнения, она хочет обсудить статус Дома Адане. Как мы оба сможем его унаследовать. Будет заседание Совета Домов. Присутствуют все двенадцать.

Его глаза вспыхнули, напоенные кровью. Он решительно сжал зубы, угловатое лицо исказила жажда власти.

Кидан вспомнила его слова, отчаянные и честные.

«Потому что если я потерплю неудачу – а я через ад пройду, чтобы этого не случилось, – будешь готова ты. Ты изменишь нынешний закон дома и введешь новый, который вернет куда больше, чем я потерял».

Кидан хотела, чтобы Сузеньос вернул бессмертие, хотела смерти Самсона, но это не значило, что он на ее стороне. Ведь если он преуспеет и получит дом, зачем она ему нужна?

Он уже начал отталкивать ее.

– Двух наследников быть не может. Это только разрушит дом, – медленно проговорила она. – Отдай его мне.

Уголки губ Сузеньоса изогнулись в жестокой улыбке.

– Прости?

Если он уступит ей дом, докажет, что Кидан для него важнее артефакта или закона, она сможет полностью ему дове-

риться.

Они остановились. Их отражения показались на фонарном столбе со львом – его отполировал дождь.

– Я никому не отдам Дом Адане, – твердо заявил он.

– Я не кто-то. Это наследие моей семьи.

– Боюсь, наследие твоей семьи – умереть до сорока лет.

Я не позволю тебе унести Дом Адане в могилу.

Кидан затаила дыхание. Он сейчас заявил, что она все равно скоро умрет?

Какого черта?

– Ты правда считаешь, что Дом Адане должен стать твоим? – голос Кидан дрогнул. – Даже если живы двое потомков?

Он не колебался.

– Да.

Хотелось выбить из него высокомерие ударом кулака в челюсть. Сузеньос снова сделал глоток из фляги. С такой кислой миной, словно там был яд.

– Что такое? – спросила она. Когда он последний раз просил ее крови?

– Ничего. Пошли.

Сглотнув досаду, Кидан резко развернулась. За последние четыре дня изменилось что-то еще, и она не могла понять, что именно.

Как и перед другими домами, перед домом Фэрисов высился ряд раскидистых деревьев – импровизированная сте-

на, отделявшая его от мощеной дороги к университету. Но дом Фэрис всегда смотрелся надежнее прочих. Их встретили высокие колонны и несколько балконов из белого и черного мрамора. Деревянный дом Адане казался хлипким, едва способным пережить ненастную ночь. Кидан впервые почувствовала желание укрепить его сталью. Расчистить сад. Посадить новые растения. Родителей не было – все зависело от нее. И забота о Джун тоже.

Сердце пронзила острая боль. Тяжело рассуждать о том, какой стала бы Кидан, будь родители живы. Она не помнила себя ребенком. Разумеется, она им была. Когда-то. Но казалось, в какой-то момент она вдруг в мгновение ока стала осторожной, жестокой и одинокой. Что-то случилось с ее разумом. Очевидные, простые вещи стали сложными. Ей придется заново научиться беззаботно радоваться, заводить друзей, даже извиняться. Возвращаться домой и закрывать глаза, чувствуя себя в безопасности.

Армированной стали тут недостаточно. Ей нужна сила законов, чтобы создать настоящий дом. Вернуть хоть толику того, что она потеряла.

Шаги Сузеньоса у нее за спиной замедлились. Она отвела взгляд от дома, надеясь, что он не заметил тоски в ее глазах.

– Декан попытается вытянуть из нас правду, – предупредил он. – Мы заходим в ее дом, с ее законами. Будь очень осторожна.

Она отвернулась от него.

– Кидан.

Она с негодованием почувствовала, что у нее перехватило дыхание, когда он произнес ее имя.

Темные листья у ног перекликались с оттенком его глаз.

– Последний раз декан созвала Совет Домов в ночь убийства твоих родителей. Я был с Силией. Ничего хорошего не жди. Будь начеку.

Она расправила плечи, на ладонях выступил пот.

Убийства.

Кидан не просила подробностей. Незнание безопаснее. Лучше. Зловещий дневник тети Силии всплыл в памяти спустя много недель – «Укслей обернулся против Дома Адане». Подсказки Кидан привели ее только к «Тринадцатым». Может, один из них убил ее родителей?

«Оставь эти мысли», – приказала она себе и отвернулась от Сузеньоса.

У входа в Дом Фэрис два сициона проверили их на наличие серебра. Сузеньос протянул руки, позволяя себя обыскать. На его губах играла загадочная улыбка. Никто не проверял небо. Скрытый серебряный гвоздь.

Потом они прошли по устланному коврами коридору, украшенному большими зеркалами и портретами, в фойе с высоким потолком. За дверью цвета кедра, за гигантским столом в форме африканского континента сидели одиннадцать человек. За ними гордо стояли их спутники-вампиры – как сторожевые башни.

За деканом Фэрис и ее спутником сидели на возвышении седеющие мужчины и женщины. Их бесформенные одежды были опоясаны длинными цепями из фаланг, отполированными добела.

Кидан узнала мот зебейю слева – она видела его на церемонии, когда Сару Мэкэри превращали в вампира. Он подошел к ним с Джи Кеем, предложив ей погадать.

Ей вспомнились слова Джи Кея и защипало глаза.

«Гадание она не хочет, но я за ней присматриваю».

И хотя Кидан не знала, где он, она чувствовала: Джи Кей по-прежнему за ней присматривает. Каждый раз, услышав обрывки его голоса и стук фаланг, она понимала: он наблюдает за ней, дожидаясь, когда она приведет его домой и сделает человеком.

Кидан подошла к пустому резному креслу и села. Оно оказалось неудобным и мгновенно поглотило ее целиком. Она подползла к краю и выпрямилась, а главы Домов Деларусов и Мэкэри презрительно усмехнулись. Юсеф и Слен тоже пришли. Кидан с облегчением увидела знакомые лица.

Слен заняла кресло Дома Кваросов, а Юсеф стоял рядом с двоюродной бабушкой, как следующий в очереди. Плечи Кидан немного расслабились. Слен слегка кивнула ей, а Юсеф широко улыбнулся.

На столе перед Кидан была вырезана карта Эфиопии. Вокруг блестели красным страны, откуда произошли первые двенадцать Домов. Сузеньос подошел и порезал себе за-

пьястье – кровь хлынула в деревянные выемки. Когда они наполнились, он отступил.

– Уважаемые главы, – твердо начала декан. На ней был пин Дома Фэрис – черная птица с серебряным глазом. – Спасибо всем, что пришли. Я также благодарю мот зебей, стражей смерти, хранителей наших законов, за обеспечение честности и справедливости этого собрания.

Застучали кости, и пожилые мот зебейя склонили головы. Взятые в монастырь еще детьми, они были свободны от политики домов и не связаны семейной верностью. Незаменимы для Укслея, но сколь ужасная, одинокая судьба! Джи Кей не просто пережил отсутствие кровных родственников, он вырос добрым и несокрушимым. Кидан задумалась: возможно, причина ее боли и гнева в том, что она познала семейную любовь. И не умела жить иначе.

– Наши заседания проходят с абсолютной честностью, – продолжила декан. – Если кто-то возражает против правды, пожалуйста, встаньте.

Кидан вопросительно посмотрела на Сузеньоса, но тот лишь стиснул зубы. Несмотря на очевидную неловкость, никто из членов комиссии не поднялся с мест.

– Отлично, – объявила декан и махнула рукой.

Профессор Андреас, как всегда в коже цвета красного дерева и с заплетенными волосами, широкими шагами обошел стол и поставил перед каждым членом Совета небольшую деревянную коробочку. Судя по гримасам на лицах, внутри

был какой-то яд.

– Добавьте смесь в кровь вашего дранаика, – сказал он.

Кидан взяла и открыла коробочку. В ноздри ударил травяной запах, и она отпрянула. Пахло странным травяным сборм Джун, который, как она уверяла, помогал от мигрени. Джун втирала его Кидан в виски, и уже через час та уже могла без боли открыть глаза. Кидан выдохнула, позволяя воспоминанию спокойно уйти. А потом взболтала порошок и высыпала в кровь Сузеньоса.

Декан подождала, пока все сделают то же самое.

– Если кто-то в этой комнате солжет, смесь его Дома почернеет. Таков закон, установленный сейчас в моем доме.

Кидан резко повернулась к Сузеньосу, но он с непроницаемым видом уставился вперед. Она посмотрела на смесь, и внутри все сжалось.

Быть начеку – это мягко сказано. Здесь нет места лжи.

Двоюродная бабушка Юсефа была самой старшей из присутствующих. Ее жесткие седые волосы лежали на покрытых шалью плечах. Символ Дома искусств – женщина, охваченная синим пламенем, – сверкал на темном шарфе.

Юсра Умил говорила медленно, с акцентом:

– Кто умер на сей раз? Обычно собрания созывают из-за этого.

– Это не единственная проблема. За столом дети. – Хорошо одетый мужчина из Дома Луросов бросил взгляд на Слен, потом на Кидан и Юсефа. – Что они здесь делают?

– Корил Кварос ждет официального слушания. Слен сдала дранактию и по праву является следующим наследником. Юсра попросила Юсефа присутствовать.

Декан Фэрис говорила спокойно, но ее тон не допускал возражений.

Слен холодно смотрела перед собой, и Кидан почувствовала удовлетворение, когда мужчина с янтарными глазами отвел взгляд.

Декан продолжила: – А Кидан Адане остается единственной выпускницей своего Дома. Пока.

Нестерпимо захотелось спрятаться – их пронзительные взгляды пристально изучали Кидан, явно считая ее недостойной. Некоторые сразу с усмешкой отвернулись. Некоторые продолжили внимательно ее рассматривать – женщина с острым лицом из Дома Пиранов и мускулистый мужчина из Дома Темо. Михаил Темо – самый быстрый атлет в Укслее, его серьезное лицо красовалось на баннерах вдоль спортивного поля. Ему явно не больше пятидесяти, как и женщине, сидящей с ним рядом, Аджоа Пиран. Кидан знала о главе Дома Пиран лишь один смутный слух. Она не замужем и бездетна, а значит, ее положение наследницы под угрозой.

Аджоа сидела прямо, аккуратно сложив на коленях руки, и ее густые кудри лежали, словно корона. Ее взгляд был сосредоточен исключительно на Сузеньосе, и в черных глазах мелькнула тень гнева, прежде чем они переметнулись к Кидан.

Тогда в них появилась жалость, даже печаль.

– Слухи ходили годами. – Внимание Кидан привлекла декан Фэрис. – Заговоры с целью разрушить всеобщий закон Укслея, эгоистичные амбиции, угрожающие миру и безопасности, которыми мы наслаждались на протяжении поколений. Сегодня «Тринадцатые» наконец решились высказаться. У меня в руках их официальное предложение.

Брови Кидан взлетели вверх. Она быстро обвела взглядом комнату. На противоположном конце стола появился призрак Тэмола Аджтафа с жестокой улыбкой. У Кидан в жилах застыла кровь. Отправив Тэмола в кому, она надеялась что «Тринадцатые» развалятся, но группа оправилась и выбрала нового лидера. Рядом с ней замер Сузеньос. Ничего хорошего ждать не стоит.

– «Тринадцатые»? – Аджоа Пиран наклонилась вперед, ее локоны подпрыгнули на темном лбу. – Они хотят разрушить Укслей! А мы рассматриваем их предложение?

Кидан обрадовалась, что кто-то оказался достаточно умен, чтобы высказать ее мысли. Когда Кидан разбила машину с Тэмолем на пассажирском сиденье, его ненависть к Домам Адане и Фэрис – двум Домам-основателям – была непреодолима.

«Нового порядка наследования, новых прав собственности». – Сказал он, сверкая зелеными глазами. «Возможности устанавливать собственные законы в домах, как у Домов-основателей».

Это мечта пограничных Домов. Они больше не хотят соблюдать всеобщий закон, делающий Укслей невидимым.

– Их лидер предлагает другое, – сказала декан.

– Кто? – требовал ответа Михаил Темо. – Кто их лидер?

Кидан тоже хотела знать.

– Они предпочитают хранить анонимность.

На одном конце стола пронеслась волна возмущения – слышались крики и удары кулаков – в то время как Аджтафы, Мэкэри и Деларусы сидели с жадным, самодовольным видом.

– Итак, слушаем? – Юсра Умил махнула морщинистой рукой.

Декан подняла предложение.

Кидан затаила дыхание, почему-то волнуясь. Когда-то похожая стопка бумаг изменила ей жизнь. Декан Фэрис вручила Кидан завещание родителей, назначившее Сузеньоса наследником. Остро ощущался тошнотворный привкус предательства. И Кидан снова чувствовала, как он подступает к горлу, словно гниль.

Декан Фэрис начала читать.

8

Кидан

– «Тринадцатые» не желают разрушить всеобщий закон Укслея и оставить его без защиты. Мы хотим лишить Дома-основатели безграничной, неудержимой власти. – Голос декана звучал на удивление невозмутимо. – Срединным Домам Фэрисов и Адане позволено принимать любые законы, а на пограничные Дома наложены ограничения. Вопиющая несправедливость. «Тринадцатые» требуют сделать деканство доступным для всех домов – как и срединную позицию. Мы считаем, только декан должен иметь доступ к таким полномочиям. «Тринадцатые» требуют немедленного отстранения Дома Адане от срединной позиции в Укслее. Сейчас там нет ни декана, ни магистра – поэтому он должен стать пограничным домом.

Услышанное обрушилось на Кидан, словно кулак – стремительно и безжалостно.

Резкий вдох. Ушла секунда, прежде чем Кидан поняла: этот звук произнесла она. Тело отреагировало прежде, чем разум успел осознать последствия.

Ей на плечо легла нежная рука, подарив тепло. Прогнала океанский рев и заставила почувствовать под собой стол и стул.

Сузеньос. Его бессмертие. Жи Кей. Джун. Ее четыре закона. Все разваливалось.

Он быстро убрал руку, но этого оказалось достаточно, чтобы Кидан пришла в себя. Темные глаза Юсефа были широко раскрыты. Слен внимательно слушала декана, взгляд Юсефа почти сиял. У Кидан внутри все сжалось. Амбиции Слен – зверь в клетке, жаждущий искушения, от которого не в силах отказаться. Но она уже выбирала Кидан. Выбирала воскресить Жи Кея после убийства. Слен снова встанет на ее сторону. Проблема в остальных.

Восторг на широком лице Аджтафа был невыносим. Он напоминал сына: светло-коричневая кожа и мягкие зеленые глаза, но без теплоты, как у Рамин.

Кидан опустила кулак, ее лицо вспыхнуло. Кровь со стола брызнула по сторонам.

– Так нельзя. Мне нужно установить законы в моем доме. Декан бросила на нее резкий взгляд.

– Каждый в Укслее хочет установить собственный закон, но мы здесь не потакаем личной жадности. В нашем сообществе должны быть пограничные Дома и сильные срединные Дома.

Кидан прикусила губу, сжав кулаки. Неподвижность Сузеньоса выдавала его ярость. В отличие от нее, он хорошо скрывал эмоции.

Но похоже, даже он достиг предела и безрадостно выдохнул.

– Если дать пограничным Домам шанс на срединное положение, Укслей раскалится от яростной борьбы за власть. Дома-основатели должны оставаться во главе, как было всегда. Деканом должен стать либо Фэрис, либо Адане.

Казалось, каждый спокойно обдумывает предложение.

Паника билась в груди Кидан тысячей птиц. Без Дома Адане у нее не останется ничего. Она станет никем. Ненужной ни Джун, ни Сузеньосу. А Жи Кей... Жи Кей умрет в тот же миг, как Самсон об этом узнает.

– Вы не можете так поступить, – почти взмолилась Кидан, подавшись вперед. – Мои предки основали Укслей. И имеют право на срединное место как основатели.

На лицах не отразилось ни тени эмоций.

Мэкэри откинулся на спинку кресла, пригладив пальцами седые сальные волосы.

– Вы говорите о традициях, но ваши родители нарушили их в тот день, когда назначили наследником дома дранаика.

Губы Деларуса согласно скривились. Его дорогой костюм украшала роза.

Кидан моргнула – в ушах стучала барабанная дробь. Все усталились на Сузеньоса, их недовольство сгущалось, словно тучи. Сколько бы они ни препирались, их объединяло недоверие к вампирам. Они скорее позволят Дому Адане раствориться в тенях, чем отдадут его вампиру.

Взгляд Сузеньоса острым лезвием устремился к декану, а губы сжались в тонкую линию. В любом другом месте, он,

наверное, ее бы убил.

– Это не проблема, – заверила Кидан, пытаясь унять дрожь в голосе. – Сузеньос согласился передать Дом Ада-не мне.

Он застыл, и его пронзительный взгляд обжигающей волной прошел по ее затылку. Сердце Кидан забило быстрее, но она не опустила подбородок.

И разумеется, поскольку это была ложь, жидкость перед ней окрасилась в черный цвет.

Проклятье.

9

Кидан

– Зачем ты лжешь? – рассмеялся Деларус. – Вот что бывает, когда за стол пускают детей.

Несколько человек обменялись взглядами – некоторые заинтригованными, некоторые настороженными. Все смотрели на черную жидкость перед Кидан.

Лицо Кидан горело, но она выдавила:

– Я имела в виду, он перепишет дом на меня.

Как ни странно, несмотря на исходящую волну темной энергии, Сузеньос молчал.

– С чего бы Сузеньосу отказываться от такого дара? – заговорила глава дома Роджитов, одноглазая женщина.

– Потому что он четырнадцать лет пытался подчинить дом и потерпел неудачу, – продолжила Кидан, чувствуя, как сжимается живот. Но выбора нет.

Она должна показать им зубы.

Трое – Аджтаф, Мэкэри и Деларус – усмехнулись. Кидан постаралась запомнить их лица.

– Дикий Сузеньос, – Мэкэри почти мурлыкал от удовольствия, – не в состоянии укротить дом.

– Возможно, мне стоило привязать его, как твоих одиннадцать жен, – резко ответил Сузеньос. – Но у тебя что-то не

сработало.

Мужчина так закашлялся, что его глаза чуть не вылезли из орбит.

– Как ты смеешь! Нелепые обвинения. Мой дранаик закончит тебя в День Коссии...

– Зачем ждать? – бросил Сузеньос, готовясь к бою.

Вампир Мэкэри тоже выпустил длинные черные когти. У Кидан встали дыбом волосы. Здесь нельзя драться. Это против закона...

Профессор Андреас испарился со своего конца стола, словно дым. Стопка бумаг взлетела вихрем белых перьев. В мгновение ока он оказался между двумя вампирами. У Кидан екнуло сердце. Он быстрее всех вампиров, кого она видела.

– Сузеньос, – тихо, осторожно произнес профессор. – Назад.

С огромным усилием Сузеньос вернулся к креслу Кидан. Мэкэри фыркнул и сердито на него посмотрел.

На несколько мгновений повисла тишина. У Кидан бежали мурашки от суровых взглядов – их власть пробирала до костей. В горле зародился крик. Она злилась на декана, ведь та втянула ее в новую ссору с сестрой, а теперь еще это – очередные стервятники, жаждущие отобрать ее семейное наследие.

Как ни странно, заговорила Аджоа Пиран.

– Это предложение, верно? Так когда голосование?

Кидан бросила на нее недоверчивый взгляд. Пронзительный взгляд темных глаз Аджоа заставил Кидан насторожиться. Женщина в ней что-то искала.

– Традиции – краеугольный камень Укслея, – заявила Аджоа. – Мы обязаны Дому Адане, не следует торопиться с таким решением.

– Как здорово ты заступаешься за Адане, – Михаил Темо напряг свои толстые руки. В его взгляде тоже читалось сострадание к Кидан, но он стал жестче, когда обратился к Пиран. – Их призраки тебе благодарны.

Аджоа помрачнела и бросила на Михаила убийственный взгляд.

– Ну вот, опять. – Мужчина из Дома Луросов зевнул. На его шее и пальцах сверкнули драгоценные камни. – Декан Фэрис, мы можем закончить?

– Мот зебейя, как вы предлагаете поступить? – спросила декан Фэрис, разрядив напряжение. Она склонила голову перед молчаливыми мот зебейями, наблюдавшим без единого движения. Столь неподвижно, что Кидан забыла про их присутствие.

Знакомый ей пожилой монах поморщился, вставая. Его голос был нетороплив, и медленный темп рассеивал напряженность.

– Каждый Дом явится с дранаиками в суд мот зебейя, чтобы обсудить и объявить решение. Мы будем принимать по одному Дому каждую неделю, в четверг – день, когда По-

следний Мудрец и Демасус создали Три Запрета, день Согласия и Мира. – Он обвел всех задумчивым взглядом. – Начнем с дома Аджаффов, с наибольшим количеством дранаиков, и закончим домом Адане, с наименьшим количеством дранаиков. Да пребудет с вами мудрость Последнего Мудреца.

Когда все закончилось, они еще какое-то время сидели в тишине. Мудрость? Есть ли ей место за этим столом, где все боролись за власть? Кидан медленно поднялась, по-прежнему дрожа от гнева. Юсеф ободряюще кивнул ей, выходя и поддерживая тетю за руку. Слен на мгновение остановилась у двери, выразительно посмотрев на Сузеньоса.

Казалось, ее взгляд говорил: «осторожно».

У Кидан волосы встали дыбом, но она не обернулась. Гнев Сузеньоса ждал своего часа, следуя за ней по пятам, когда они вышли на улицу.

«Ты наконец отняла у него дом, – прошептал голос в голове. Конечно, он тебя ненавидит».

Но Кидан прогнала панику. Сузеньос не унаследует дом. Он нуждается в ней, а значит, он не уйдет.

На поясницу легла твердая рука, словно он слышал ее мысли. Кидан тут же напряглась – все вылетело из головы.

– Следуй за мной.

Он говорил тихо, прямо ей на ухо, опасным голосом.

Его рука задержалась еще на минуту, заставляя сердце биться быстрее. Пальцы сжались, и Кидан могла поклясться,

что почувствовала кончики когтей, прежде чем он убрал их.

Как он однажды сказал?

«Когти часто означают, что мы позволили естеству овладеть нами полностью, стали чудовищами больше, чем людьми».

Кидан последовала за ним, пытаясь успокоиться.

Сузеньос

Однажды Сузеньос Сагад чувствовал, как ломаются все его кости, уходил туда, где сладкая агония встречается с небытием, и все равно предпочитал это человеческой жизни. Именно поэтому он запомнил точную границу между домом Адане и Укслеем – место, где лишался бессмертия. И никогда не пересекал ее без крайней необходимости.

– Стой, – приказал он, глядя на землю.

Сузеньос остановился за три шага до Кидан, в поросшем сорняками саду дома Адане, тяжело дыша. Он слышал, как скрипит на ветру старая дверь. Как Этете тихо пекла его любимый хлеб – амбашу.

Но главное, его слух не уловил присутствия старого друга. Самсона здесь не было.

Они пришли несколько минут назад, и все тихо. Хорошо.

Он не хотел, чтобы подслушали его замыслы.

Кидан остановилась и повернулась к нему. Вечернее солнце за ее спиной окрашивало смуглую кожу и туманило контуры решительных глаз. Почему он обречен видеть красоту в самых губительных вещах?

Впрочем, сейчас – неподходящий момент, чтобы оценивать красоту спутницы.

Сузеньос стремительно прижал Кидан к древней плакучей иве – длинные ветви скрывали их от внешнего мира. Его рука сомкнулась на ее горле, на галстуке, и перед глазами вспыхнул красный круг. От внезапного прикосновения у нее перехватило дыхание.

– Всего неделя, а ты уже играешь против меня. Может, убить тебя прямо здесь?

Сузеньос знал запах ее страха – он почувствовал его в день, когда вырвал Титу Левину позвоночник. Кислый, с привкусом пепла. Сузеньос ждал его с предвкушением и тревогой, почти ожидая, что Кидан бросится бежать.

Кидан вела себя осторожно, но в ее взгляде было слишком много храбрости. Чем дольше он оставался неподвижным, тем ярче ее глаза искрились уверенностью, почти доверием. Доверием, что он не причинит ей боли, а за ним скрывалось... Невысказанное желание. И помоги господь – ему это нравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.